

ВСТРЕЧА

— Вы обещали, Сергей Петрович, рассказать о новой теории.

— Она не такая уж новая, но давайте начнем с общей проблемы народонаселения.

А У НАС ХОЛЕРА?

— В стране было 150 миллионов, осталось 146. Об этом?

— 146 — следствие, а я хочу сначала дать экспозицию. Первое: мир переживает колоссальный цивилизационный поворот. Сейчас население России, как и в большинстве так называемых цивилизованных стран, стабилизируется и не будет расти. Более того, есть основания считать, что в ближайшие 100 лет все страны пройдут по тому же пути. В результате население мира выйдет на уровень 12 — 13 миллиардов.

Это — коренной поворот в развитии человечества, сравнимый с возникновением его самого. Потому что с самого начала развитие шло по восходящей — больше людей, детей, денег, оружия, земель больше всего.

Сейчас стало понятно, что дальше так продолжаться не может. И по целому ряду не до конца понятных причин население стабилизируется. Процесс займет 100 лет, 50 уже прошло.

— Нас ждет стабилизация?

— Она уже произошла. Был француз Ландри, который понял, что есть так называемый демографический переход. Что после безудержного роста население исторически кратчайшие сроки стабилизируется. Во второй половине XIX века Россия была на взлете демографического и социального развития. В канун Первой мировой войны население росло на 2% в год. Вот конкретный факт: у рабабки моей Тани — дворянки, помещицы где-то в средней Руси, — было 22 ребенка. Раз она была на сносях, играла с подругами в карты, извинилась, вышла, родила и села доигрывать. А сейчас мы стабилизировались и даже в деревнях нет того количества детей, как раньше. Потому что социальная система обладает потрясающей способностью именно к самоорганизации, саморегуляции.

— Но есть и другая проблема: десятки тысяч — не худших, а лучших — эмигрируют. Исчезают те, кого называют элитой...

— Отвратительное слово, которое, по-моему, относится к быкам, а не к людям.

— Тем не менее...

— Вы забежали вперед, я повторю: есть колоссальный цивилизационный поворот. Если хотите, такое грандиозное событие, как распад Союза, — следствие исторического процесса. Так же распались Австро-Венгрия и другие империи. Хотя нельзя ставить знак равенства между эмигрантами из этих империй и нашей, но такова судьба России: если у них на Западе насморк, то у нас холера. У нас все умножается.

ПАУТИНА

— Если экспозиция закончена...

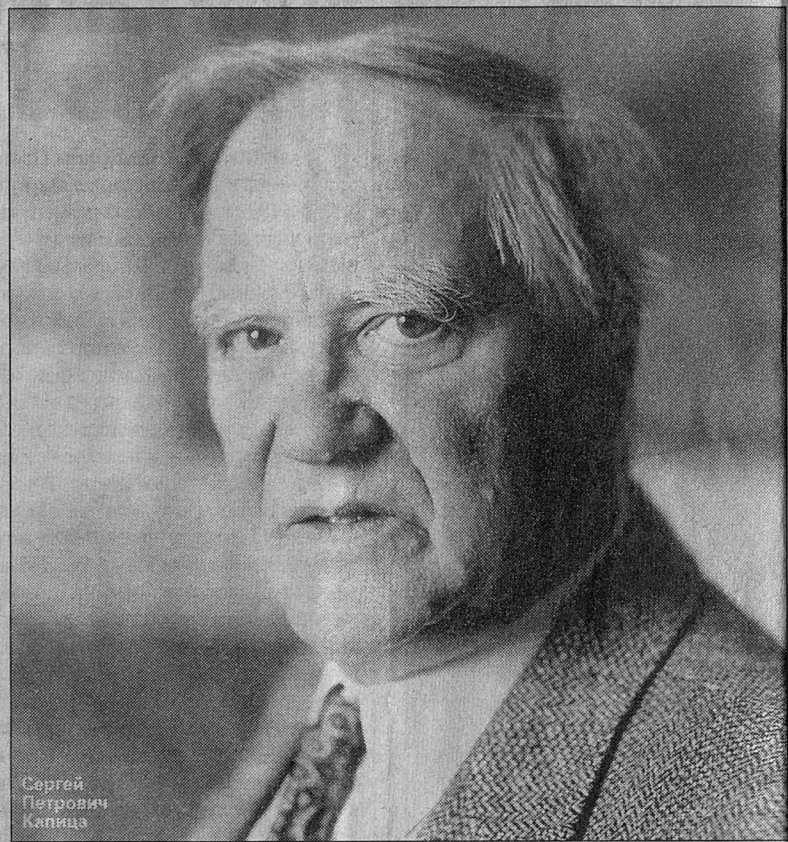
— Да, обратимся к конкретной судьбе науки. Что у нас было? Могу точно сказать: наука на три четверти была милитаризована, подчинялась требованиям ВПК и достигла вполне превосходных технических результатов, правда, оказавшихся совершенно бессмысленными политически.

Второе. Гуманитарные науки были политизированы и подчинены обслуживанию идеологии. Еще более бессмысленное занятие. И когда идеология умерла вместе с режимом, умер и ВПК.

Что происходило дальше? Оказалось, что ни наука, ни культура не смогли отвечать социальному заказу, поскольку старый не годится, а нового нету. Кстати, образование пострадало меньше, чем наука и наукоемкая промышленность. Если вернуться к ВПК... Помню, меня водили по гигантскому комплексу под

Стабилизация В ПАУТИНЕ

Беседа с профессором Сергеем КАПИЦЕЙ.

Москвой, где стояли самые невероятные системы оружия, в основном ракеты. И я видел: ракетные сопла заросли паутиной. Когда-то была знаменитая карикатура, изображавшая голод: первую премию дали, простите меня, за зад, заросший паутиной. Этот образ меня преследовал, когда я ходил по гигантским цехам.

А недавно я провел все утро на пульте управления космической станцией «Мир», ее собираются закрывать — нет денег, чтобы поддерживать полет. Так что президентское правление заканчивается тем, что мы затопим одно из крупнейших мирных завоеваний нашей космической техники.

— Теперь можно вернуться к «отвратительному слову»?

— Понимаете, мы можем бросить упрек многим превосходным ученым, интеллектуалам, музыкантам, которые эмигрировали в первую очередь из-за неустойчивости. Например, физик-теоретик может с бумагой, с компьютером как-то что-то сотворить, ему неважно где. А экспериментатору требуется уже, грубо говоря, миллион в год, чтобы разумно работать. Если денег нет, то — что? Он не сможет работать, если только не станет членом какой-то мафии.

БЕСЫ

— Многие ученые — по разным причинам — не могли состояться и раньше...

— Сейчас процесс связан, по-моему, еще и с общим моральным кризисом общества. Я вообще считаю, что моральный кризис наш гораздо страшнее политического и экономического. Моральный кризис заключается в первую очередь в потере критериев ценности.

Человеческое общество традиционно управляется ценностными критериями. Купец не должен обманывать компаньонов, его слово должно быть весомо так же, как и подписанная им бумага. Люди чтят своих предков, своих учителей, есть какая-то преемственность и цельность культуры и т.д. Сейчас происходит эрозия этих ценностей, а началось с времени «Бесов», пожалуй.

Надо читать Достоевского, ничего другого посоветовать не могу. Судьбы интеллигенции связаны именно с этим. Общество в конечном итоге держится ценностными критериями, они-то и

эрозировали сейчас. Новые появятся, может быть, через 100 — 200 лет. Мы присутствуем при абсолютном разрыве всех традиционных связей. Драма во всем — даже в одежде, манере держаться, речи, словах, литературе...

— Вы ведь ведете программу на ТВ?

— Я выражал свое мнение относительно нашего телевидения.

— И что?

— Это не привело к моему процветанию. Но вернемся к причинам нынешнего кризиса. Серьезная ответственность интеллигенции — отдельная тема. С моей точки зрения, есть две интеллигенции: ее высокие представители и бесы. Существо их изучил, пожалуй, лучше всех тот же Достоевский, и здесь добавить нечего. Увы, бесы правят бал.

К сожалению, наша интеллигенция, получив свободу высказывания, свободу творчества, свободу перемещения, далеко не всегда понимает ответственность, которой эта свобода должна сопровождаться. Это второй вопрос, очень существенный.

Третий. Конечно, очень большая роль принадлежит правительству и в первую очередь президенту — что рыба гниет с головы, не мной сказано.

Мы деморализовали армию... Как можно спокойно смотреть на инвалидов войны, которые на улицах просят милостыню? Даже если солдат сражался за не совсем праведное дело, все равно страна за него отвечает. У тех же англичан есть знаменитый принцип: «My country, right or wrong» — «Это моя страна, права она или нет».

СВОЕЙ СМЕРТЬЮ...

— Есть вопрос, который я не могу не задать... Скажите, пожалуйста, не предвидел ли Петр Леонидович какие-то вещи, которые мы видим сегодня?

— Отец умер в 84-м году, до эпохи Горбачева... В таком виде нет, не предвидел. Он много писал Сталину даже в самые темные времена, когда был в ссылке у себя на даче, и рас-

суждал о проблемах государства и науки — тема, абсолютно актуальная сегодня. Самое любопытное, что Сталин почти требовал от него писем. Помню, в 51 — 52-м годах он перестал писать — ему надоело. И что произошло? Вдруг приехал изрядно перепуганный комендант государственных дач на Николиной горе: «Вас просили позвонить по такому-то номеру по «вертушке»!»

Петр Леонидович поехал в контору и позвонил. К телефону подошел Маленков и спросил: «Товарищ Капица, почему вы перестали писать мне и товарищу Сталину?» — «Я ставил перед вами ряд вопросов, они не получали разрешения». — «Напрасно вы так думаете».

Он начал опять писать, и это сложным образом, я думаю, влияло на то, что происходило не только в науке, но и в стране. Иначе не существовало бы такого прямого запроса. Это были очень откровенные письма, которые доставлялись по каналам конфиденциальным, они не перехватывались тем же Берией. Была своя Византия.

— А нельзя расшифровать «свою Византию»?

— Там был некий человек, вхожий в ЦК. Иногда отвозил письма я и передавал в окошко в Кремле, в Кутафьей башне. Письма печатала на машинке моя мать, даже я не знал их содержания.

— Наверно, потому, что отец вас берег — меньше знаешь, лучше спишь. А как вы думаете, почему человека, который откровенно критиковал власть, не постигла судьба очень многих?

— Ну, во-первых, мой отец был человеком очень смелым. И он писал, учитывая характер адресата, хотя и никоим образом не изменяя принципам... Потом, это было сугубо конфиденциально — он не передавал копию в «Голос Америки», даже коллегам не показывал...

— Тогда, наверно, реакция оказалась бы иной?

— Понимаете, был такой случай... В январе 51-го года его вдруг пригласил отужинать Сергей Вавилов, тогда президент Академии наук. За столом были четверо: Вавилов с супругой и мать моя с отцом. Вавилов больше говорил, а отец и мать слушали. Он поразительно откровенно высказывался о состоянии науки, культуры, положении в стране — так, как очень доверяющие друг другу лица могли бы разговаривать в чистом поле. На отца разговор произвел очень большое впечатление — он мне потом рассказывал.

— Они ведь знали, что их разговор — не тайна для КГБ?

— Да. По-видимому, Вавилову нужно было выговориться. В том же январе он умер, насколько мы знаем, своей смертью.

— «Своей»? Во времена «отца всех народов» за это ручаться было нельзя. Но у нас на носу парламентские и президентские выборы...

— Понимаете... боюсь, если сменится парламент и президент, ничего не изменится. Лучше всего это выразила Татьяна, моя жена, которая говорит: чем хороши наши правители? Тем, что ей никого из них не жалко...

Григорий ЦИТРИНЯК

Петр Леонидович Капица